

УДК 371:616-02

К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОЙ ШКОЛЫ

А. Г Пашков

Курский государственный университет, 305000, г. Курск, ул. Радищева,33

В статье рассматриваются подходы к формированию этнокультурного компонента воспитательной системы русской национальной школы, посредством которого может происходить погружение учащихся в мир русской культуры. В состав этого компонента входят фольклор, славянско-русская мифология, православная культура, краеведческий материал, традиционные народные ремесла, музыкально-песенная культура. Внимание обращается на этнофункциональное единство, относительную однородность культурного пространства, в рамках которого осуществляется воспитание; на необходимость согласования содержания воспитательного процесса с традиционной культурой региона рождения и проживания детей.

Ключевые слова: компоненты этнической культуры, национальная школа, российская культура, российская национальная школа.

В настоящее время в образовательном пространстве России существуют различные модели русской национальной школы. У них есть общие черты, связанные с национально-региональным подходом, который требует учитывать этнокультурные, социоисторические, национально-демографические, экологические особенности окружающей школу среды.

Особенности реализуемых сегодня моделей воспитательных систем русской школы обусловлены содержанием этнокомпонента, включаемого как в базовые образовательные программы, так и в сферу дополнительного образования учащихся. Этнокомпонент представляет собой содержание обучения и воспитания, за счет которого происходит погружение учащихся в мир русской культуры через краеведческий материал, язык, обычаи и традиции быта и др. В структуре этнокультурного компонента чаще всего присутствуют такие блоки как народная педагогика и народная философия, славянско-русская мифология, православная культура, земледельческий календарный цикл, жилище и одежда, традиционные народные ремесла, устное народное творчество, традиционная музыкально-песенная культура.

Этнокомпонент воспитательной системы русской школы помогает практическому ознакомлению школьников с фольклорной культурой, народным календарем, православной апологетикой и традициями, т.е. освоению системообразующих основ русской культуры. Тем самым создаются условия для сохранения и передачи подрастающему поколению русского национального мирочувствия и миропонимания, для воспитания укорененности в родной культуре и уважения к Отечеству.

Особое значение имеет область фольклора, вбирающая в себя выраженные в знаковой (художественно-символической) форме проявления этнического сознания, имеющие общественно значимый характер и направленные на регуляцию отношений человека с окружающим миром. В основе фольклора лежит мифопоэтический способ художественно-обрядного восприятия и обобщения действительности. Внедрение фольклорного материала как стержневого компонента учебно-воспитательного процесса, начиная с дошкольной ступени и заканчивая старшими классами, позволяет естественным путем решать задачи углубленного постижения не только языка, но и основ

мировосприятия, мироощущения, мировоззрения, свойственных данному народу. На это указывает опыт целой плеяды педагогов – создателей русской национальной школы, от К.Д. Ушинского и С.А. Рачинского до В.А. Сухомлинского и И.И. Гончарова.

Опыт современных школ русской культуры показывает, что овладение детьми многообразием фольклорных жанров (песенных, музыкально-хореографических, драматических, инструментальных и др.) способствует раскрытию их личностных качеств и способностей, и в то же время создает среду совместной творческой деятельности. Процесс воспроизведения традиций народной культуры служит основой возникновения и обогащения внутрисистемных этнокультурных и межпоколенных связей, что выступает необходимым условием развития продуктивной деятельности школы.

Одновременно можно наблюдать, как восприимчивы ко всему подлинно народному наши дети. Подавляющее большинство воспитанников, особенно учащиеся начальной школы, не утратили и каждый раз воспроизводят свойственную фольклору парадигму мифологического мировосприятия и мироосознания. Дети особо остро переживают ощущение родства с природной средой, они вновь воссоздают и заново осваивают образный строй родного языка, овладевают всем спектром данных человеку творческих задатков.

Синкретическая природа фольклора, основанная на изначальном единстве словесного, музыкального, кинетического и изобразительного рядов, оказывается чрезвычайно созвучной детским формам самовыражения и коммуникации, т.е. специфической системе «детского языка». Таким образом, среда традиционной культуры может рассматриваться как идеальная среда для воспитания и развития ребенка.

Важно подчеркнуть, что именно фольклорный материал является той естественной формой самовыражения народа, на основе которой возможно подлинное взаимопонимание разных этнических групп. Только полноценное владение «языком» собственной культуры позволяет понять «язык» культуры различных народов. Уважение к собственным традициям способствует восприимчивости, открытости по отношению к другим этническим традициям. Кроме того, в глубинах культуры своего народа мы обслуживаем пласты, обладающие свойствами археипического (параллели русского языка и санскрита; родство русских и, например, кельтских сказок). Это позволяет предположить, что именно фольклор на протяжении тысячелетий выступал универсальным средством межэтнического общения.

В процессе внедрения этнокультурного материала в воспитательную систему школы необычайно важным является бережное отношение к его историческому содержанию, к нюансам в оформлении и средствах выражения. В этой работе недопустима обработка аутентичного материала либо в сторону его эстетизации, либо в сторону упрощения, низведения до популярно-развлекательного уровня. Последнее, кстати, представляет собой весьма доходное занятие ряда шоу-групп, выдающих себя за фольклорные ансамбли, а на деле развивающие традиции кабацкого искусства. Причиной этих явлений выступает высокомерно-поверхностное отношение ко всему народному, а следствием оказывается искажение сути народной культуры, духовного и художественного опыта народа.

В становлении воспитательной системы национальной школы представляется весьма опасным скольжение по поверхности народной традиционной культуры. У детей особо развито чутье на подлинное, настоящее. Не следует стремиться обязательно каким-то образом «препарировать» фольклорно-этнографический материал и бояться чего-то сложного, непонятного, архаического. Фольклор и не предполагает полной дешифровки смысла, заложенного в текстах или других символически выраженных формах. Более того, именно детский фольклор обладает особой загадочностью или символической емкостью. Так, с трудом поддаются логическому объяснению и интерпретации даже такие весьма всем известные сказки для самых маленьких, как «Колобок» или «Курочка Ряба». Вместе с тем с фольклорными текстами усваиваются важные инфор-

мационные коды, обеспечивающие настройку на ту или иную форму восприятия, развитие способности к сопереживанию. Кроме того, в фольклорных текстах закодированы принципы взаимоотношений, нормы поведения в тех или иных ситуациях. Они осуществляют также этногенетическую функцию, обеспечивая причастность индивида к истории, судьбе этноса, коллективной этнической памяти и сознанию. Отсюда понятна та опасность, которую несет с собой модернизация народной поэзии, музыки, хореографии, изобразительного искусства.

Освоение традиционной культуры в образовательном процессе не должно мыслиться как предметное дополнение к стандартному содержанию образования; ее воспитательный, социализирующий потенциал не может быть представлен в виде учебного предмета.

По сути, нам необходимо вернуться к той постановке вопроса, в которой о народности в общественном воспитании говорил К.Д. Ушинский. Для него народность, традиционная культура не является совокупностью постоянных черт и признаков, но выступали как результат деятельностного освоения полноты естественноисторических форм жизни народа. Педагогическая программа К.Д. Ушинского была сориентирована на серьезное и систематическое постижение действительного уклада и устройства народной культуры, форм и механизмов ее преемственности (охватываемых понятием «традиция»), на выстраивание такого содержания образования и таких форм педагогического воздействия, которые обеспечивали бы устойчивое воспроизводство основ национальной культуры.

Подход К.Д. Ушинского открывает широкое поле деятельности педагогов – субъектов воспитательной системы русской национальной школы. Важным компонентом этой деятельности является включение детей в процесс познания – постижения Родины, языка, уклада, традиций, процесс, который по существу неисчерпаем и неиссякаем. Речь идет не о том, чтобы освоить какой-то определенный набор обрядов, обычаев и привыкнуть воспроизводить их как знак принадлежности к некоей общности. Речь идет о воспитании внимательного и ответственного отношения к родному – родной земле, родному языку, родному народу – о воспитании умения и готовности вовремя опознавать и своим трудом и усилием восполнять неизбежные утраты в тех формах, которые органичны для уклада народной жизни (примеры о недолговечности программ «Истоки», «Наш край», «Моя родословная»).

В процессе моделирования и становления воспитательной системы русской национальной школы важно исходить из того, что центральное педагогическое понятие традиционной культуры – уклад. Тол есть воспитывают не толь и не столько слова, которые произносятся, но сопряженная со словом система отношений, ритмы жизни, нравственные нормы – все то, что называется «духом общности», и что является системообразующим элементом традиционной культуры и основанной на ней школьной системы воспитания.

На пути формирования такой системы педагоги выступают в роли проводников, и, следовательно, сами должны в полной мере владеть традициями народной культуры. Поэтому все сказанное выше относится и к профессионально-педагогическому образованию и воспитанию. Кроме того, для взрослых людей возможен и качественно иной способ постижения, например, фольклорных традиций – не эмпирическим, а научно-творческим путем с использованием всех доступных средств получения информации. Возможности современных информационных сетей могли бы в полной мере в полной мере способствовать формированию и развитию нового этнокультурного пространства как фактора противостояния бездуховному воздействию идеологии и индустрии потребления.

Присутствие этнокультурного компонента в воспитательных системах ряда школ в последние годы становится все более привычным явлением и даже своеобразной «педагогической модой». Внимание организаторов и энтузиастов этнокультурного

образования обычно направляется на обогащение и совершенствование его содержания, на привнесение новых элементов: от подготовки и проведения отдельных мероприятий переходят к разработке ключевых общешкольных дел на основе народного календаря; более содержательной становится экскурсионная и краеведческая работа; становятся более разнообразными направления кружковой и клубной работы. Признавая важность оптимизации содержания этнокультурного компонента процессов воспитания и социализации детей, считаем, что недостаточное внимание уделяется его системным связям и взаимодействиям с другими элементами социальной и образовательной среды. При этом важно учитывать тот факт, что социокультурная среда школы нередко буквально «кишит» этнокультурно разнородными и рассогласованными элементами, где русский этнокультурный компонент выступает не системообразующим, а одним из элементов мозаичной этнокультурной среды.

Подобную перенасыщенность образовательной и социальной среды разнородными, в том числе чуждыми этнокультурными элементами задает телевидение, большинство передач которого не имеет ничего общего с настоящей русской культурой. Домашние просмотры телесюжетов о покемонах и телепузиках, «пионерских историй» о приключениях Красной шапочки, бесконечных триллеров и пр. дополняются школьными празднествами в честь Св. Валентина, Хеллоуина и др. формами «чужебесия». И все это – наряду с благонамеренными делами, ориентированными на наследование родной культуры, присущих ей традиций миропонимания и мирочувствия.

Таким образом, внутренние и внешние по отношению к школьной воспитательной системе условия этнокультурного развития могут вызывать синдром этнической, или этнокультурной маргинальности (А.Б. Мулдашева, А.В. Сухарев). Этническая маргинальность – это наличие в психике человека разнородных элементов, отношений, характерных для различных, зачастую весьма далеких друг от друга этносов и их объединений.

Вышеупомянутые исследователи считают, что последствиями запущенной этнокультурной маргинальности в период интенсивного социального и личностного развития подростка могут выступать депрессивные расстройства, невротические реакции, нравственная незрелость, асоциальность и девиантность [1]. В свою очередь, эти состояния нередко доминируют в качестве предпосылок сниженной обучаемости школьников, их наркотизации и делинквентного поведения.

Надо полагать, что в современных условиях этнокультурной мозаичности среды воспитания для обеспечения оптимального социально-личностного развития школьников, особенно на младшей ступени образования, необходимо снижение степени этнофункциональной неоднородности информационных, психолого-педагогических воздействий, в т.ч. в содержании учебно-воспитательного процесса.

С позиций этнопедагогического подхода воспитание – это деятельность по передаче и освоению ценностей, духовно-нравственных ориентиров, исторических традиций конкретной, в данном случае – русской культуры, а не абстрактного «культурно-исторического опыта», как об этом до сих пор пишут в учебниках по педагогике. Единство, относительная однородность культурного поля, в котором осуществляется воспитание, особенно важны на начальных возрастных этапах этого процесса. Это требование отражает очевидную истину: любой живой организм требует относительно однородной, щадящей среды именно на ранних стадиях развития. Поэтому доктрина «мультикультурного образования», имплицитно присутствующая в ряду основных направлений беспощадного реформирования отечественного образования – ни что иное, как прямая угроза информационной безопасности и национально-культурной идентификации подрастающего поколения.

Итак, очевидная истина состоит в том, что не следует преждевременно знакомить детей с инокультурными ценностями и стереотипами поведения, т.к. для еще незрелой личности переизбыток экзотических этнокультурных элементов информационно перегружает и обессиливает (астенизирует) психику ребенка, вызывает социальную инфантильность и нарушения в развитии.

Взвешенное ограничение потребления детьми до 10-12 лет разнородной этнокультурной информации имеет защитное и адаптационное значение, т.к. именно в этот период формируется адаптационный потенциал личности и ее иммунитет по отношению к чужеродным информационно-культурным воздействиям. Эти новообразования крайне необходимы для последующей переработки все нарастающих потоков этнокультурной информации в современном обществе, для безвредного приобщения воспитанников русской школы к «мировой культуре», к ценностям, относящимся даже к весьма экзотическим мировоззрениям и стереотипам поведения.

Речь не идет о воспитании как погружении исключительно в монокультурную среду – вещь невозможная в условиях усиления процессов глобализации. Но ограничение этнокультурной разнородности информационно-образовательных и воспитательных сред представляется совершенно необходимым. Для этого прежде всего требуется беспристрастный анализ образовательных программ и планов, в том числе программ воспитания, школьных мероприятий, досуговых и семейных дел с точки зрения этнокультурного содержания, которым они наполнены. Дальнейшая работа должна предусматривать существенное уменьшение количества этнокультурных рассогласований. В этом отношении показателен опыт дошкольных учреждений и начальных школ Израиля, Японии, Скандинавских стран, где содержание учебно-воспитательного процесса в максимальной степени этнокультурно согласовано с традиционной культурой региона рождения и проживания детей.

Кстати, в более благополучных для бытия русской культуры времена (в середине 60-х гг. XIX века) К.Д. Ушинский написал полемически острую статью «О необходимости сделать русские школы русскими», в которых желал «занять вместо всех прочих одну черту из западного образования – черту уважения к своему Отечеству; а мы ее-то, именно ее, единственно годную для заимствования во всей полноте, и пропустили. Не мешало бы нам занять ее не за тем, чтоб быть иностранцами, а лишь за тем, чтоб не быть ими посреди своей родины» [2].

В процессе формирования этнокультурной идентичности личности подростка ведущим является развитие эмоционально-чувственной («эстетической») по В.В. Зеньковскому) стороны отношений личности к собственной внутренней и внешней среде, прежде всего – к естественно-природному окружению. Высокая степень прочувствованности явлений, предметов и образов, составляющих область родного, выступает фундаментом не только патриотического, но и нравственного воспитания, и в целом личностного становления человека. В свою очередь, нарушения в развитии эмоционально-чувственной сферы, нередко доходящие до состояния эмоциональной тупости, не способны обеспечить полноценное гражданско-патриотическое воспитание школьников, органическое усвоение ими нравственных норм.

Анализ практики показывает, что этнокультурный компонент школьных воспитательных систем нередко наполняется в основном содержанием учебно-познавательного характера. Программы краеведческой, родиноведческой направленности несомненно нужны в этнокультурном русском компоненте образования. Однако сами по себе, без включения детей в художественно эстетическую деятельность, прежде всего – в русское, в том числе в народное песенное и танцевальное творчество, эти программы не в состоянии обеспечить необходимый уровень эмоционально-волевого развития воспитанников.

Пение, танец помогают бессознательному рождению и проживанию в душе ребенка русского строя чувств, и особенно – духовных чувствований. И.А. Ильин писал в 1935 году: «русская песня глубока, как человеческое страдание; искренна, как молитва; сладостна, как любовь и утешение; в наши черные дни, как под игом татар, она дает детской душе исход из грозящего озлобления и каменения. Надо завести русский песенник и постоянно обогащать детскую душу русскими мелодиями, – наигрывая, запевая, заставляя подпевать и петь хором» [3].

Конечно, дело это, в сравнении с традиционными познавательными программами, весьма трудоемкое и затратное. Помимо этого, школы, осваивающие русское народное певческое, музыкально-хореографическое искусство, испытывают серьезные трудности в восстановлении подлинных текстов и мелодий песен, танцевальных элементов. Есть сложности и с подбором руководителей хоровых, танцевальных коллективов. Усилиями одних энтузиастов и подвижников, без соответствующих государственных решений, без участия министерств образования и науки, культуры, творческих союзов, – эти проблемы не решить.

Национальное воспитание неполно без национальной сказки, которая «заселяет его (ребенка – А.П.) душу национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее» [4]. Сензитивным периодом развития по отношению к сказочно-мифологическому содержанию воспитания считается период от 2 до 4 лет. Однако не следует забывать о больших возможностях детского творчества в области сказки, которые успешно реализовались в опыте В.А. Сухомлинского.

Исторический опыт поколений запечатлен на 90% в языковой форме, в форме слова [5]. Поэтому воспитание чувства национального достоинства, верных исторических представлений о прошлом своего народа неразрывно связано с культивированием бережного, благоговейного отношения детей и подростков к слову.

Однако ничего подобного школьное обучение пока не предполагает. Программы и преподавание русского языка и литературы утверждают структурно-механистическое отношение к тексту, практическое отсутствие семантического анализа в связи с основными социально значимыми признаками языка, недопустимость даже намеков на место языка в устройении человека и общества, человеческой жизни и мира, а в целом – примитивизм в отношении к речи.

Не случайно, что этническая маргинальность современной молодежи (и не только молодежи) проявляется прежде всего в нарушениях речевой сферы. Признаки алекситимии все чаще проявляются в затрудненной способности адекватно выразить свои чувства.

По замечанию выдающегося отечественного историка и философа К.Д. Кавелина, душа народа может быть выражена только на языке этого народа, в данном случае – на русском языке, адекватном русской культуре [6]. Неспособность многих подростков выразить свои чувства на русском языке – признак алекситимии, болезненного симптома, теснейшим образом связанного с депрессивными расстройствами и снижением уровня творческого интеллекта. Современные молодые люди, говоря о своем внутреннем состоянии, часто выражаются следующим образом: «это мне не в кайф», «испытываю дискомфорт», «чувствую себя классно» и т.п. В этих и других выражениях самочувствие характеризуется с помощью нерусских, этнофункционально рассогласованных слов, которые, конечно, указывают на какие-то удобства, неудобства, но не описывают состояние души и сердца, как, например, «сердце щемит», «тоска». Эти замены и подмены в конечном счете ведут к утрате душевности, свойственной человеку русской культуры.

Для сохранения душевно-нравственного здоровья подрастающего поколения уже недостаточно одного только устранения общего снижения грамотности. Для этого необходимо знать и глубоко чувствовать русский язык, сохраняемые в нем литературные, музыкальные, художественные традиции.

Для сохранения и усвоения русской культуры и традиций необходимо очищение языка от огромного количества неоправданно введенных слов, терминов, понятий, подменяющих привычные, родные русские слова. Чего стоят, например, «консенсус», «делать шоппинг», или «заниматься любовью»? В этом отношении педагоги не согласны с филологами, которые склонны считать засорение речи и языка естественными процессами развития. Язык переполнен ненужными заимствованиями слов, фразеоло-

гии, лексики и даже интонирования. Это особенно опасно в отношении слов и понятий, с помощью которых описывается душевная жизнь людей и их взаимоотношения. Все это указывает на область социальной, целенаправленной работы школы. Хорошо, если бы она была обеспечена законодательно, как, например, во Франции и Польше.

Опыт православных гимназий, других школ филологической направленности показывает, что органичное усвоение русского языка значительно улучшается при изучении его индоевропейских основ – старославянского и древнерусского языков, а также древнегреческого и санскрита, который играет существенную роль в этимологии древнейших русских слов. Важно, что основной акцент здесь должен делаться не на истории грамматики, а на лексике и семантике, переводе и понимании текстов.

Список литературы:

1. Сухарев А.В. некоторые аспекты этнофункционального подхода к проблеме образования в России // Психологический журнал, 2005, т. 26, № 2, с. 91-101.
2. Ушинский К.Д. педагогические сочинения в 6 т. – Т.2. – М., 1988, с. 360.
3. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993, с. 238.
4. Там же, с. 238.
5. Троицкий В.Ю. О духовной сущности слова и языковом образовании школьников // Воспитание школьников. – 1998. – № 4. – с. 13.
6. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. – М.: Правда, 1989. – с. 171-256.

TO THE PROBLEM OF MODELING ETNOCULTURAL BASES OF THE UPBRINGING SYSTEM OF RUSSIAN SCHOOL

A.G. Pashkov

Kursk State University, Radischeva St., 33, Kursk, 30500, Russia

In the article author considers forming of ethnocultural components of educational system in Russian national school where pupils are plunged in the world of Russian culture. This component includes folklore, Slavonic-Russian mythology, orthodox culture, local lore material, traditional national trades and musical-song culture. Also the author pays attention to ethnofunctional unity and relative uniformity of cultural space where education is realized; to agreement between of the content of educational process and traditional culture of children's birthplace and living place.

Key words: ethical culture component, national school, Russian culture, Russian national school.